
Ю.З. Кантор

**«СМЕЛО СКАЖУ: Я СДЕЛАЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ КТО-
ЛИБО ДО МЕНЯ». АРХИВНОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
Н.Н. УРВАНЦЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ 1920–1940-х гг.**

Аннотация: в докладе рассматривается ранее не введенное в научный оборот архивное уголовное дело Н.Н. Урванцева, содержащиеся в нем экспертизы крупнейших ученых – исследователей Арктики, связанные с исследованием и освоением недр и поиском полезных ископаемых в северных регионах СССР. Также анализируются «алгоритмы» фальсификации обвинения и преступные методы ведения следствия с целью получения ложных, политически мотивированных показаний. Выявляются неизвестные факты биографии Урванцева как исследователя и практика-конструктора, рассматривается период его пребывания под следствием, в заключении и после освобождения из Норильлага во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: Урванцев, освоение Арктики, Норильск, Северный морской путь, ГУЛАГ, геология, репрессии, допросы, полярные исследования.

Yu.Z. Kantor

**“I CAN SAFELY SAY THAT I HAVE DONE
MORE THAN ANYONE BEFORE ME”.
ARCHIVED CRIMINAL CASE OF N.N. URVANTSEV
AS A SOURCE ON THE HISTORY OF ARCTIC
EXPLORATION IN THE 1920–1940s**

Abstract: The report examines the previously unpublished archival criminal case of N.N. Urvantsev, as well as the expertise of the largest Arctic researchers related to the exploration and development of mineral resources and the search for minerals in the northern regions of the USSR. The article also analyzes the “algorithms” for falsifying charges and criminal methods

of conducting investigations in order to obtain false, politically motivated testimony. Unknown facts of Urvantsev's biography as a researcher and practical designer, the period of his stay under investigation, in prison and after his release from Norillag in the second half of the 40s are revealed.

Keywords: Urvantsev, Arctic exploration, Norilsk, Northern Sea Route, Gulag, geology, repression, interrogations, polar research.

«Имя Урванцева было овеяно двойной легендой: как политического зека и как первопроходца Арктики... Рассказы лагерников о путешествиях Урванцева по просторам Белого Безмолвия возводили эту фигуру на уровень Фригьофа Нансена и Георгия Седова»¹, – так вспоминал об Н.Н. Урванцеве писатель С.А. Щеглов, и в этой оценке не было преувеличения. Биография полярного исследователя с мировым именем, знаменитого ученого, изобретателя и одаренного литератора, столь насыщена и драматична, что в равной мере могла бы стать и основной темой для научной монографии, и сюжетом для приключенческого романа. Одной из самых «закрытых» и самых трагических страниц жизненного пути первооткрывателя крупнейшего в мире Таймыро-Норильского платиноидно-медно-никелевого месторождения является сюжет его ареста и пребывания в ГУЛАГе.

Архивное уголовное дело выдающегося советского геолога Н.Н. Урванцева, хранящееся в архиве УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, представляет интерес для историков не только как трагическая примета жестокого времени, но и как весьма подробная, хоть и специфически окрашенная, антология освоения Арктики 1920–1940-х гг. В двухтомном деле, материалы которого, даже фрагментарно, до сих пор не публиковались и не введены в научный оборот, содержатся материалы допросов, очных ставок, обращений Н.Н. Урванцева к прокурору, недвусмысленно и вполне типично характеризующие «сталинскую юстицию» и методологию фальсификации политически мотивированных уголовных дел. Однако есть в нем документы совершенно иного свойства – экспертные заключения крупнейших исследователей Арктики, полярников и чиновников от науки, касающиеся ключевых направлений советского освоения Севера, как сухопутного, так и морского, и арктических недр в частности. Для того, чтобы получить представ-

¹ Щеглов С. От обвинений в колчаковщине до урванцевита //О времени, о Норильске, о себе. Воспоминания. Книга десятая. М.: Полимедиа, 2008. С. 27.

ление – на основе материалов дела – об основных векторах арктических государственных интересов Советского Союза, необходимо обратиться к подробным отчетам и справкам крупнейших геологов, минерологов, приобщенных к делу (абстрагировавшись от контекста, в котором они были использованы).

Несомненный интерес представляет собой обращение в Центральный Комитет ВКП(б) легендарного исследователя-полярника, начальника Главсевморпути при СНК СССР О.Ю. Шмидта. «К первоочередным своим задачам по освоению Арктики Главсевморпуть относит скорейшее изжитие недоснабжения солью северных окраин Союза»¹, – с этого тезиса Шмидт начинает свое обращение. В качестве первого аргумента он опирается на высказывание В.В. Куйбышева: «Это экономический абсурд, когда нам соль приходится возить морем из Крыма через все океаны во Владивосток, для того, чтобы снабдить рыбную промышленность и население края этой солью»². Ученый констатирует, что сказанное Куйбышевым в 1932 г., осталось актуальным и три года спустя (его обращение в ЦК ВКП(б), подшитое к делу датировано 1935 г.). Он считает, что необходимо модернизировать способы доставки соли в Северный край и на Мурманское побережье, и обращает внимание на огромную стоимость транспортировки оной при существующем положении дел. Необходимо для окраин изыскать источники солеснабжения более близкие, нежели известные в указанный период. В документе, на основе данных Института Экономики Севера, названы даже количественные характеристики потребности для каждого региона, например для Мурманского и Северного края ежегодная потребность в соли – 250 тыс. тонн³. Также в тексте содержится подробный анализ данных о месторождениях Нордвикской соли. Начальник Главсевморпути предполагает открытие мощного месторождения соли в регионе с запасами в несколько млн тонн⁴. Он считает необходимым скорейшее осуществление строительства водной трассы Архангельск – Нордвик. В документе приводятся данные о перспективных разработках и предполагаемых затратах на строительство в 1936 г.⁵ Имя Н.Н. Урванцева фигурирует здесь в контексте необхо-

¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – Архив УФСБ по СПб. и ЛО). Архивное уголовное дело (далее – АУД). Р-15261. Т. 2. Л. 298.

² Там же.

³ Там же. Л. 299.

⁴ Там же. Л. 300.

⁵ Там же. Л. 302–303.

димости привлечения внимания к региону и первых успехов в его освоении.

Особый интерес представляет собой заключение экспертов – начальника кафедры Военно-морской академии, военного инженера первого ранга В.А. Березкина и начальника факультета Военно-морской академии, военного инженера первого ранга А.Д. Козлова, касающееся экспедиции на Северную Землю для изыскания олова. Эксперты признают важность отправки данной экспедиции в рамках плана работ по гидрологическому изучению морей на 1938 г., утвержденного начальником Главного Управления Северного Морского пути Шмидтом. «В этом плане значатся следующие экспедиции: 1) экспедиционная группа л/к “Сталин”; 2) экспедиционная группа на судах сквозного плавания; 3) Адыча-Янская речная экспедиция... Общая сумма ассигнований на экспедиции ВАИ (Всесоюзного Арктического института. – Ю. К.) на 1938 год составляет 7755 тыс. руб. из этой суммы только 429,7 тыс. руб. приходится на гидрологические экспедиции... Моря восточного сектора Арктики оставались наименее изученными. Следовало организовать для изучения их гидрологического режима специальные гидрологические экспедиции»¹. Авторы экспертизы утверждают, что обработка гидрологических материалов экспедиционных работ проводилась с достаточной полнотой. Поскольку экспедиционные работы носили, в общем, не систематический характер, результаты публиковались в форме отдельных статей, посвященных различным вопросам гидрологии морей Северного Морского пути².

Важное место, как свидетельствуют экспертные оценки, приобщенные к делу, в советских геолого-арктических исследованиях занимали и вопросы поисков угля. Так, в частности, в 1935 г. Всесоюзный Арктический Институт вел Усть-Пясинскую экспедицию, обнаружив угольные месторождения. Также в 1936 г. было выявлено местонахождение Котуйского угля в устье реки Хатанги, причем указано на высокое качество углей в данном месторождении схожее с углями Норильского месторождения³. Профессор Центрального научно-исследовательского геолого-разведывательного института В.В. Мокринский обращал внимание на особую значимость данного открытия. Открытие это, заметим, было сделано Урванцевым, впервые обнаружившим информацию об обнаруженном им месторождении угля в устье Хатанги на Первой геологической конференции Главсевморпути⁴.

¹ Там же. Л. 281.

² Там же. Л. 283.

³ Там же. Л. 270.

⁴ Там же. Л. 270.

Значительная часть экспертных заключений, по сути, представляет собой штрихи к портрету «первых шагов советской геологии Арктики». В частности, особый интерес представляет собой описание экспедиции под руководством С.В. Обручева на Индигирку, отправленной в 1926 г. Геологическим комитетом. В тот период данный район был абсолютно не исследованным, труднодоступным, условия для проведения любых научно-практических работ являлись тяжелыми¹. Экспертное описание экспедиционной эпопеи местами напоминает приключенческий роман: «Экспедиция Обручева С.В. вышла из Якутска вьючным караваном 16 июня, на Индигирку попала к 1 августа, а на место работы к 1 сентября. Так как экспедиция была рассчитана без зимовки, то 15 сентября она принуждена была выйти обратно; в Якутск она прибыла 24 декабря 1926 г. На месте работ из-за недостатка времени экспедиция ограничилась проведением легкой разведки на р. Тальнье, левом притоке р. Чевыгопаха. Было пробито 2 линии шурфов, которые из-за вечной мерзлоты до почвы не добыты. Во время продвижения вперед, на некоторых левых притоках р. Индигирки были обнаружены следы золота»². Также из материалов экспертной оценки, сделанной доктором минералогических наук, профессором Центрального научно-исследовательского института геологии Г.Л. Падалкой, видно, что в 1932 и 1933 гг. по инициативе С.В. Обручева произведена летная экспедиция, целью которой являлось составление карты Чукотского округа, как первой основы всех дальнейших работ по его освоению, общее изучение его, выяснение главных черт его геологического строения и распределения районов полезных ископаемых³. В его же анализе содержатся и материалы, касающиеся обнаружения рудных полезных ископаемых на острове Врангеля. Речь шла об открытии месторождения олова.

19 июня 1931 г. на мысе Оловянный острова Октябрьской революции были обнаружены грейзенизированные граниты и кварц-турмалиновые жилы, а также сульфидное орудинение. Открытие это также было сделано Н.Н. Урванцевым⁴. Разумеется, особое место в данных изысканиях занимало исследование открытого Урванцевым в 1921 г. Норильского месторождения. Характерно, что в архивном уголовном деле содержится подробная информация не только о самом открытии, но и о введении результатов последовавших практических изысканий в научный оборот. «Первые две статьи Урванцева о Норильском месторождении были опубликованы в 1921 году

¹ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. АУД. Р-15261. Т. 2. Л. 275.

² Там же. Л. 275.

³ Там же. Л. 276.

⁴ Там же. Л. 278.

(в Ленинграде, в Известиях Геологического Комитета № 7). Более обстоятельный очерк был им написан в 1923 году. В связи с тем, что Урванцевым было открыто в Норильске медно-никелевое месторождение и в анализах, полученных на образцах, добытых Урванцевым медно-никелевых руд, было установлено большое содержание металлов платиновой группы, что позволило Урванцеву подновить его статью 1923 года. В печать очерк был подготовлен и сдан в 1928 году (см. Труды ГГРУ № 95).

На той стадии изученности перспектива Норильского каменно-угольного месторождения автором определялась в 65,87 млн тонн запасов и пригодным для потребности морского флота качеством углей»¹.

Дальнейшее изучение и освоение Норильского комплекса перешло к ГУЛАГу, материалы по нему были засекречены, и полную оценку данного каменно-угольного месторождения сделать невозможно. Однако, считает эксперт, профессор геологии Центрального научно-исследовательского геолого-разведывательного института В.В. Мокринский, «Норильское месторождение имеет крупнейшее народно-хозяйственное значение и по полученным в феврале 1939 года сведениям от Норильскстроя, может в значительной степени удовлетворить потребность Севморпути в угле для устройства склада-базы на острове Диксон»². Он же обращает внимание и на то, что в статье Н.Н. Урванцева («Труды Первой геологической конференции Главсевморпути») имеется указание на нахождение угля на р. Катуй, о чем уже говорилось выше. «Катуйский уголь принадлежит к каменным углям и по своему качеству подходит для морского флота и является наиболее близким месторождением к Нордвигу, где идет большое строительство и большая потребность для заходящих судов»³.

Даже по этим относительно небольшим фрагментам из экспертных материалов дела нетрудно сделать вывод, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. советские исследования Арктики шли интенсивно, многовекторно и успешно. Обращает на себя внимание и еще одно – обстоятельство: набор экспертиз, с геолого-географической точки зрения, выполнен будто бы по заранее сформированному алгоритму. Алгоритм этот становится понятным при обращении к весьма важному документу, очевидно, являющемуся «закладным камнем» в раскручивании масштабного дела о вредительстве в сфере иссле-

¹ Там же. Л. 267.

² Там же. Л. 268.

³ Там же. Л. 271.

дований Арктики. Это – «Спецсообщение ТО ОГПУ об итогах научно-исследовательских экспедиций Главного управления Северного морского пути в 1933 г.» от 28 октября 1934 г., имевшее гриф «совершенно секретно». В объемном материале обозначены все «точки», которые фигурируют в деле и по которым собраны экспертные заключения, подвергшиеся специфической интерпретации чекистами. Документ имеет предельно внятную вводную, предвосхищающую дальнейшее развитие событий в отношении учреждений и лиц, в нем упомянутых:

«Для освоения Северного морского пути и хозяйственного освоения приполярных территорий Крайнего Севера Правительством Союза ССР было поручено Главному управлению Северного морского пути осуществить в течение 1933 г. ряд морских научно-исследовательских экспедиций. На указанные цели ГУСМП получило около 20 млн руб. Для реализации правительственных заданий ГУСМП и входящий в его систему Всесоюзный арктический институт в Ленинграде организовали свыше 15 различных экспедиций, в которых участвовало 6 ледоколов, 10 советских и 27 иностранных морских пароходов, 2 моторно-парусные шхуны, 6 речных самоходных и 10 несамоходных судов, всего 61 единица флота.

ТО ОГПУ установлено, что в результате проникновения в различные звенья ГУСМП и, в особенности в состав его экспедиций, а/с разложившихся и преступных элементов, ряд экспедиций вышел в плавание с значительным опозданием, сопровождался пьяным разгулом, фактами злостного нарушения дисциплины и, как следствие этого, авариями и затоплением нескольких судов с ценным оборудованием.

Все это, в конечном счете, привело к полному или частичному срыву задач, возложенных на некоторые наиболее важные экспедиции, и значительным материальным убыткам¹. ОГПУ перечислены Западно-Таймырская и Карская экспедиции, экспедиция на Нордвик, Ленско-Хатангская экспедиция, экспедиция на Мыс Оловянный и др. Причинами срыва задач названы – вредительство, засоренность классово-чуждыми элементами, наличие белых офицеров, дворяне, «сыновей золотопромышленников» и прочего «контрреволюционного элемента»². По изложенным фактам ТО ОГПУ в настоящее время ведет разработку³.

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране. М., 2017. Т. 10. Ч. 1. С. 340.

² Там же. С. 341–348.

³ Там же. С. 348.

Дело Н.Н. Урванцева – один из плодов этой «разработки», начавшейся в период, когда ученый сделал перерыв в своей экспедиционной работе. В 1934 г. он приехал в Ленинград с Таймыра, был назначен главным консультантом Горно-геологического управления Главсевморпути, а затем заместителем директора Арктического института, руководителем которого был полярник с мировым именем Р.Л. Самойлович. Сын купца города Лукьянова Нижегородской губернии, он окончил реальное училище в Нижнем Новгороде, с 1912 по 1918 г. учился в Томском технологическом институте на горном факультете. И в 1918 г. стал членом Сибирского геологического комитета, созданного в 1918 г. правительством Верховного правителя России адмирала Колчака. Молодой геолог Урванцев вошел в состав комитета – возглавил комитет один из любимых профессоров Урванцева П.П. Гудков.

В 1921 г. – уже при советской власти – Урванцев сообщал в отчете, опубликованном в «Известиях Сибирского отделения Геологического комитета»: «В начале 1919 года правительством Колчака была создана Дирекция маяков и лоций Северного морского пути. В связи с начинающимся экспортом и импортом грузов через устья Оби и Енисея возник вопрос о снабжении приходящих пароходов углем непосредственно на местах их перегрузки <...>. Прекрасно сознавая всю важность этого вопроса для процветания и даже, пожалуй, существования Северного морского пути, Дирекция маяков и лоций в лице ее директора Д.Ф. Котельникова обратилась в начале 1919 г. в только что учрежденный Сибирский геологический комитет с просьбой организовать геологические исследования в низовьях сибирских рек. Комитет, рассмотрев это предложение, принял его и постановил командировать для этой цели одного из своих сотрудников, каковым и был избран автор отчета»¹.

Любопытно, что даже на следствии, в обращении к прокурору, Урванцев посчитает нужным упомянуть: «В 1919 г. я относился к Соввласти враждебно, но даже тогда ничего преступного не совершал, и моя вина лишь морального, а не криминального свойства. Как и *подавляющее большинство русской интеллигенции* (выделено мною. – Ю. К.) считал, что власть должна принадлежать Учредительному собранию»².

В 1920 г. двадцатисемилетний горный инженер был назначен начальником маленькой экспедиции в Норильский район для изучения месторождения угля. Тогда он и обнаружил никель в нориль-

¹ Николай Николаевич Урванцев. Сборник воспоминаний. СПб., 2012. С. 21.

² Архив УФСБ по СПб. и ЛО. АУД. Р-15261.

ских рудах. В последующие годы он подробно изучает этот район. В 1923 г. решением Высшего совета народного хозяйства Урванцев назначен руководителем экспедиции для изучения медно-никелевых платиноидных руд Норильского района. В 1925 г. он – научный руководитель правительственной экспедиции. В 1926 г. – уже старший инженер-геолог Геологического комитета и член Полярной комиссии АН СССР. В 1930–1932 гг. – зимовка на Северной Земле в качестве научного руководителя экспедиции. (Начальник экспедиции – Г.А. Ушаков.)¹ Еще в 1933 г. был арестован, а затем (в 1936 г.) расстрелян, И.Н. Смирнов, председатель Сибревкома в Гражданскую войну и некоторое время после нее, который курировал подготовку северных экспедиций, считавший освоение севера одной из ключевых стратегических задач советской власти². Урванцева, хорошо знавшего Смирнова, бывшего его активным единомышленником, тогда не тронули. Блестящая научная и административная карьера продолжилась: высокие должности, орден Ленина, докторская степень без защиты диссертации. И так до 1938 г., когда он был снят с работы в Арктическом институте (где занимал должность заместителя директора), а затем, 9 августа 1938 г., – и арестован:

«УНКВД ЛО вскрыта и ликвидирована к.-р. фашистская диверсионно-шпионская организация, участником которой являлся и УРВАНЦЕВ... УРВАНЦЕВ является активным участником этой организации и по месту своей службы в Арктическом Ин-те создал и возглавлял к.-р. фашистскую вредительскую группу из бывших офицеров»³. Из материалов дела следует, что Урванцеву инкриминировали вредительство, и именно в тех экспедициях, где его имя было абсолютным авторитетным, а результаты работы – безусловно успешными (хоть и не лишенными ошибок и неудач, без которых не обходится любая исследовательская деятельность). Характерная примета – следствие интересуется не экономическими сопоставлениями и «проколами», оно занято «раскрыткой» политической подоплеки:

«Контрреволюционная вредительская деятельность УРВАНЦЕВА по срыву изучения и освоения богатств Арктики сводилось к следующему:

В 1923 году по заданию правительства, УРВАНЦЕВ производил изыскания платины в Норильском районе. Изыскание организо-

¹ Гордин Я. Судьба Урванцева // Звезда. 2018. № 2. С. 127.

² Шишкин И.В. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода Гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2. С. 88.

³ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. АУД. Р-15261. Т. 1. Л. 1.

вал вредительски и, несмотря на крупные затраты, никаких результатов не добился. В 1931 г. на основе результатов псевдо-научной экспедиции ТОЛМАЧЕВА (впоследствии белоэмигранта, быв. белого офицера) организовал и направил на мыс Нордвик экспедицию для поисков нефти. Экспедиция никаких результатов не дала. Несмотря на это, весной 1932 г. УРВАНЦЕВ через врага народа РОЗЕНГОЛЬЦ сообщил Правительству фиктивные сведения об открытии на Нордвике нефти. (А.П. Розенгольц, видный советский государственный деятель, член РСДРП – ВКП(б) с 1905 г., глава Управления государственных резервов при СНК СССР, к тому моменту был уже расстрелян. – Ю. К.)

На протяжении ряда лет УРВАНЦЕВ умышленно скрывал известные ему мощные залежи угля в устье реки Пясиной. Вследствие этого только в 1935–1936 гг. были обнаружены эти залежи углей, имеющие большое промышленное значение.

УРВАНЦЕВ сознательно из года в год тормозил поисковые геологические работы в Арктике, разбазаривая отпускаемые средства на изыскания в неперспективных районах, не имеющих полезных ископаемых»¹.

К этому моменту директор Арктического института, награжденный орденами Ленина и Красного Знамени, Р.Л. Самойлович, один из крупнейших исследователей-полярников, автор множества знаковых для советской арктической геологии работ был уже расстрелян – по «обвинению в “шпионско-вредительской деятельности и принадлежности к фашистской диверсионной организации „ в Гидрографическом управлении Главсевморпути”, связи с польской разведкой, наличии счетов в германском и норвежском банках, сотрудничестве с царской охранкой»².

Следствие пришло к выводу, что арестованный Урванцев «достаточно изобличается в том, что является одним из руководящих участников шпионско-диверсионной организации, существовавшей в системе Главсевморпути»³.

Урванцев в течение нескольких «конвеерных» допросов все пытался не сдаться, отвергнуть нелепые обвинения в том, что «бросил разведку Норильского месторождения», «бежал на Северную землю, придумал миф о нефтяных месторождениях в Нордвике»: «Разведку Норильского месторождения не бросил, а отошел, когда оно было передано из Геологического комитета, в ведение Союззолота для

¹ Там же. Л. 6.

² Измозик В.С., Лебина Н.Б. Петербург Советский. «Новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: КРИГА, 2016. С. 223.

³ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. АУД. Р-15261. Т. 1. Л. 11.

дальнейшей разведки и эксплуатации. Это крупнейшее в СССР медно-никелевое месторождение было мною открыто в 1921 г. и до 1922 г., я его разведывал, доказав его значительное богатство... Нефть в Нордвике – не миф, это видно из акта экспертизы. К 1940 г. здесь пройдено уже до 7 нефтяных горизонтов. Я был первый кто еще в 1933 г. указал на наличие здесь нефти. В Хатангском районе, что было подтверждено в 1936 г., когда были открыты месторождения... Нас Северную Землю “не бежал”, а был приглашен туда по распоряжению покойного В. Куйбышева. За 2,5 года работы мною совместно с Ушаковым была заснята и изучена вся Земля, это 5000 км, на собаках в труднейших условиях. Был за это награжден орденом Ленина»¹. Эта работа ставится специалистами в один ряд с пересечением Гренландии Ф. Нансенем, походом Амундсена. Но следствию было не до таких «помех» и уж тем более не до историко-литературных аллюзий. Показания обвиняемого нужны были лишь в том случае, когда соответствовали задуманному сценарию. О том, как выбивались показания, свидетельствуют материалы дела: «В результате избиений истязаний со стороны следователя дал вымышленные ложные показания о своей якобы контрреволюционной деятельности в Арктическом институте Главсевморпути. Был доведен до состояния полной психической депрессии. Запуган угрозой расстрела, если решусь отказаться от показаний и рассказать правду на суде. В результате на суде продолжал оговаривать себя и других»². И далее все пошло по хорошо накатанной в годы «большого террора» колее – косноязычные признания, отсутствие реальной доказательной базы и заказные фантазии следователя, скрепленные выбитой – в прямом и переносном смысле – подписью подследственного:

«Я являлся участником контрреволюционной организации, действовавшей в Главном Управлении Северного морского пути, и как участник этой организации, до дня ареста вел борьбу с советской властью, путем подрывной работы, проводимой мною на различных участках, порученных мне.

ВОПРОС: Когда вы вступили на путь борьбы с советской властью?

ОТВЕТ: Если говорить откровенно, то я за все время существования советской власти, с момента Октябрьской революции, не прекращал борьбы, менялись только формы и методы, но по существу, с Октябрьской революции до последнего времени, я вел активную контрреволюционную работу.

¹ Архив УФСБ по СПб и ЛО. АУД. Р-15261. Письмо Н.Н. Урванцева от 15.12.1940.

² Там же.

Дело в том, что я родился в купеческой семье, отец имел мануфактурный магазин, а мать магазины, фабрики и имение. Домашним окружением капиталистические, собственнические настроения были привиты мне еще в детском возрасте. Они вошли глубоко в мою психику и оказали влияние на мои действия и поступки, вплоть до последнего времени»¹.

Он пытался протестовать против навязанного следователем абсурда, обращаясь к прокурору, «надзирающему за делом». Его обращения, написанные во время следствия, сложены в конверт, подшитый к одному из томов дела: «Я абсолютно ни в чем не виноват. Проработав 20 лет над освоением Советской Арктики я положил здесь все свои силы и здоровье, и смело скажу, что сделал больше, чем кто-либо до меня»². И случилось почти невероятное: его освободили. Но лишь на три месяца, после чего арестовали вновь, причем новое дело было поручено прежнему следователю. «Я желаю одного: полного беспристрастного и справедливого разбора моего дела. Но начало следствия не сулит мне надежд на таковое. На допросах следователь ругал отборной матерной бранью, страшно кричал, грозил бить. Протоколы писались не с моих слов, а в редакции следователя. Когда отказался пописывать из-за того, что все было искажено, – был заставлен»³, – в очередной раз обращался Урванцев к прокурору. В деле хранится пронзительное письмо Е.Н. Урванцевой, жены арестованного геолога, к главе государства: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Я преисполнена опасений, что вновь возможно совершится явная несправедливость, вследствие чего мой муж ни в чем абсолютно невиновный, может быть вновь осужден только на основании каких-либо предположений, произвольных умозаключений или ложного оговора.

Мой муж профессор Урванцев, геолог, работал в Арктике 18 лет, провел 8 зимовок от 1/2 до 2 1/2 лет каждая – открыл ряд ценных месторождений, освоил механический автотранспорт в Арктике – обследовал и заснял на карту Северную Землю. В результате его исследовательских работ, им написано и вышло из печати свыше 50 научных работ. За свои труды он был неоднократно премирован деньгами, автомашиной, медалью им. Пржевальского, золотыми именными часами от Норвежского правительства и орденом Ленина в 1932 г. Отзывы о его работах академика Обручева В.А., Шокальского Ю.М. и проф. Эдельштейна имеются в деле.

¹ Там же. Р-15261. Т. 1 Л. 17.

² Там же. Р-15261. Письмо Н.Н. Урванцева от 02.05.1940.

³ Там же. Р-15261. Письмо Н.Н. Урванцева от 15.12.1940.

Указанное выше побуждает меня убедительно просить Вас, Иосиф Виссарионович, обратить внимание на настоящее дело, дабы избежать повторения той ошибки, которая имела место в прошлом году при вынесении приговора моему мужу. Если материал, посланный в Особое Совецание для оправдания моего мужа недостаточен, то убедительно прошу дать возможность честно оправдаться Урванцеву на суде в присутствии свидетелей и экспертизы»¹.

Стоит ли говорить, что письмо осталось без ответа. Карательная машина на сей раз отработала без сбоев. Особое совещание осудило Урванцева на 8 лет, считая срок с 14 августа 1940 г. с зачетом предварительного заключения с 11 сентября 1938 г. по 22 февраля 1940 г. После осуждения, Урванцев как заключенный работал в одной из самых знаменитых советских «шарашек» – Ленинградских «Крестах»². Работа в Особом техническом бюро в Ленинграде была далека от его специальности, но уже через месяц он сконструировал полуавтоматический прибор для захвата и подъема тяжелых артснарядов на транспортер, за что получил звание конструктора. После эвакуации из Ленинграда в начале войны, работал в качестве технического руководителя на заводе железобетонных изделий НКВД СССР, в мастерской изготовления железобетонных изделий. И не просто работал – изобрел и ввел в эксплуатацию автоматизированную линию, позволившую перевыполнить план в 4 раза. Как сказано в деле, за это «лаборант з/к Урванцев получил благодарность и премиальный оклад 100 р»³.

В декабре 1942 г., по особому распоряжению НКВД, заключенный геолог был доставлен спецрейсом (!) в Норильск, где работал старшим геологом и начальником сектора геолого-разведочных работ. Летом 1944 г. на моторной лодке с 3-сильным мотором в составе партии из 3 человек обследовал восточное побережье Карского моря. Обнаружил присутствие радиоактивных пород, проплыв на лодке по морю более 500 км. За это ему на 2 года «скинули» срок. По окончании срока Урванцева вызвали в Москву и назначили начальником Геолого-разведочного управления Норильского комбината.

После освобождения он остался работать на Норильском комбинате, прагматично предположив, что лучше не покидать мест недавнего заключения. С 3 марта 1945 г., то есть со дня освобождения – старший инженер-геолог поисково-разведывательных работ Геологического управления. Здесь началась как бы, именно – как

¹ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. АУД. Р-15261. Письмо Е.Н. Урванцевой И.В. Сталину.

² Там же. Т. 1.

³ Там же.

бы, – вольная жизнь. В течение 1945 г. выявил новые запасы богатых сульфидных руд в размере годовой потребности комбината. Его Норильская послевоенная карьера весьма успешна: с 25 июля 1945 г. по 26 сентября 1945 г. – начальник геологического управления, с 26 ноября 1946 г. – главный геолог Норильского комбината (как указано в документах, – для возможности вести научно-исследовательскую работу)¹. Летом 1946 г. руководил экспедицией специального назначения в районе Карского побережья. «Делу освоения Советского Севера отдал 28 лет своей жизни, лучшие годы и здоровье. Думаю, что посему имею право просить о прекращении моего дела. 4.12.47»², – напишет Урванцев по окончании экспедиции в Особое Совецание. Безуспешно. До реабилитации оставалось еще 7 лет.

«В тяжелейших условиях принудительного труда многим геологам-заклученным помогла выжить их профессия, оказавшаяся необходимой на строительных и горно-промышленных объектах ГУЛАГа. Особенно поражает творческое решение ими ряда сложнейших геологических задач. Именно так следует расценивать результаты исследований, проводившихся геологами-заклученными в экспедициях ОГПУ, геологических организациях ГУЛАГа в Норильске, на Воркуте, в Дальстрое и на Кольском полуострове, – исследований, завершившихся открытием и освоением новых месторождений полезных ископаемых, разработкой теоретических основ некоторых разделов геологии»³. Судьба Н.Н. Урванцева – ярчайший тому пример, причем пример, требующий внимательного и объективного изучения во всей полноте, включая трагические страницы архивного следственного дела, вводимые данным докладом в научный оборот.

¹ Там же.

² Там же.

³ Репрессированные геологи. Изд. 3-е, испр. и перераб. М.; СПб., 1999. С. 6.